

И. И. Янушевич

Белорусский государственный университет, Минск

I. Yanushevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 341.251.1.-232.37

ЗАКРЫТИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ В СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ (1918–1923 гг.)

ORTHODOX TEMPLES SHUTDOWN IN SOVIET BYELORUSSIA (1918–1923)

В статье рассматривается вопрос закрытия православных храмов в Советской Белоруссии в первые годы после установления советской власти. Проводится анализ предпосылок осуществления подобной политики в стране, стремящейся воспитать безрелигиозное общество. Установлена нормативно-правовая база, в соответствии с которой осуществлялся процесс отъема культовых зданий.

Ключевые слова: Русская православная церковь, государственно-церковные отношения, коммунистическая партия.

The article deals with the issue of the shutdown of Orthodox temples in Soviet Byelorussia in the first years after Soviet power establishment. The author analyzes the prerequisites of the implementation of such a policy in the country that strives to educate an irreligious society, and establishes the regulatory framework in accordance with which the process of the weaning of religious buildings was carried out.

Key words: Russian Orthodox Church, relations between church and state, communist party.

В 1917 г. в Российской империи к власти пришла политическая сила, в программных документах которой задача уничтожения религии и церкви была одной из приоритетных. На практике главным препятствием на пути построения общества с атеистическим мировоззрением выступали православные приходы. В процессе разрушения административно-управленческой структуры Русской православной церкви (РПЦ) ключевое значение имело уменьшение количества богослужебных помещений. Храм и для верующего человека, и для Церкви в целом играл важнейшее значение. Культовое помещение являлось прежде всего малой Церковью, сообществом единоверцев, единомышленников. Для православного – это место, где незримо присутствует Господь и принимает его молитвы. Для Церкви как для организации со своей специфической иерархической структурой приход является базисом. Без первичного звена или при его недостаточном количестве система не может полноценно функционировать. Кроме возможности общения с Богом и единоверцами, храм, особенно после событий октября 1917 г., становится и местом объединения в некое негласное сообщество людей с похожими мировоззренческими установками.

Стабилизирующая роль религии и храма как проводника созидательных идей в советском обществе не могла быть востребована в условиях жестко-

го противостояния государства и РПЦ. Регулятивная функция православия была слишком значима, а требовалась новая, не включающая в себя религиозные нормы общественной мораль. Рассадник прежней идеологии желательно было максимально сократить. Тем более что и с психологической точки зрения «царква» являлась тем местом, где у человека проходили все знаковые события его жизни. В условиях социально-политической нестабильности для верующего человека она становилась и последней надеждой в решении своих насущных вопросов. Наличие подобного центра противостояния безбожия антирелигиозникам было крайне невыгодно. Принятые Поместным Собором 1917–1918 гг. меры по возвращению в Церковь соборности, возросшая роль коллегиальных решений, острая потребность религиозных организаций в активном участии верующих в жизни приходов сделали храм местом сбора людей, не поддерживающих идею построения безбожного общества. Первые годы после Октябрьской революции 1917 г. это отчетливо показали. Казенная воцерковленность осталась в прошлом. Религиозные чувства, общественное мнение и жизненный рационализм стали определяющими при проявлении своей позиции по отношению к Богу.

На подконтрольной большевицкой партии территории хаотичный процесс ликвидации храмов носил агрессивный характер. В белорусском крае проведение подобной политики по изъятию культовых зданий до установления в 1921–1922 гг. более стабильной для правящего режима ситуации было невозможно и контрпродуктивно. В первую очередь приграничная зона и слабая поддержка местного населения вынуждали ограничиваться точечными ударами. Правовую основу под процесс закрытия культовых сооружений НКВД РСФСР начал активно формировать в конце 1918 г. – начале 1919 г. Базовыми документами являлись декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23.01.1918 г. и инструкция «О порядке проведения в жизнь декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”» от 24.08. 1918 г. [1, л. 19]. Циркуляр Наркомата просвещения РСФСР от 22.08.1918 г. до 01.09.1918 г. требовал ликвидировать все церкви, молитвенный дома, часовни при учреждениях образования [2, с. 180]. Циркуляром того же ведомства от 03.03.1919 г. конкретизировались некоторые положения, касающиеся процедуры ликвидации с целью максимально быстрого выполнения задачи [1, л. 21].

Циркуляр НКЮ РСФСР от 03.01.1919 г. определил только два случая, при которых возможно было закрытие храма. Первой указывалась ситуация, при которой не найдется группа граждан, желающих взять здание в пользование в соответствии с п. 5, 8 инструкции «О порядке проведения в жизнь декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”» от 24.08. 1918 г., в котором прописана вся процедура передачи богослужебных помещений верующим [2, с. 178; 3, л. 42]. Второй пункт был изложен более расплывчато: «Если в силу нужды в соответственном помещении для общепользных

целей местный совдеп, отвечая запросу трудящихся масс (лучше всего на пленарном заседании) постановит соответствующее решение» [2, с. 179].

Первыми под положения данного циркуляции попали домовые церкви, находящиеся в местах заключения, больницах, богодельнях и иных учреждениях. Определяющим для при закрытии был факт нахождения богослужебного помещения в одном здании со светским учреждением или в жилом фонде [2, с. 10]. В БССР данный процесс активизировался в 1921 г. и был в русле проводимой политики ограничения возможностей всех не поддерживающих большевиков сил [4, л. 80 об.]

Новый виток процесса ликвидации богослужения помещений как раз и был с этим связан. Властям необходимо было провести своеобразную ревизию имеющихся в стране объединений граждан. Предполагаемое со стороны правящего режима послабление в экономической сфере, не затрагивая уровень принятия ключевых политических решений, всё же подразумевало некую либерализацию общественно-политической жизни [5, л. 67]. Методы красного террора и военного коммунизма показали свою эффективность в краткосрочный период. Необходима была модель контроля за общественно политическим движением с общепринятыми элементами законности. На государственном уровне было объявлено, что объединение граждан в общества, союзы и иные формы объединения возможны только после официальной регистрации в установленном порядке. Право на отказ в регистрации позволяли поставить под контроль всем имеющиеся в стране сообщества, стремящимися к легальной деятельности. Если в противовес не соответствующим идеологическим установкам объединениям можно было сформировать провластные структуры в виде комсомола, профсоюза и иных обществ, то альтернативы религиозным организациям не имелось, перспектива ее появления была крайне мала и в ближайшее время не просматривалась [6, с. 61]. Безбожное движение было малочисленно и разобщено. На высшем партийной уровне только предпринимались некоторые попытки сформировать систему антирелигиозной работы. Опыт четырех лет показал, что вопрос борьбы с религиозностью населения сложный, требующий колоссальных усилий. Предпринятая авантюрная и во многом компрометирующая власть попытка расправы с РПЦ посредством наказания за сопротивление грабежу Церкви под предлогом оказания помощи голодающим Поволжья не привела к массовой ликвидации приходов и священнослужителей [7, л. 113]. Для установления контроля над клириками помимо усилий НКВД-ГПУ и инспирирования расколов перерегистрация должна была стать своеобразным фильтром для отсева неугодных [8, л. 1]. Следует отметить, что постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке утверждения уставов и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли» от 03.08.1922 г. и инструкция ВЦИК и СНК РСФСР требовали регистрации или перерегистрации обществ и союзов, в то время как согласно инструкции НКЮ и НКВД от 24.08.1918 г. и инструкция НКЮ и

НКВД от 27.04.1923 г. понятия группа верующих и религиозное общество имели одно существенное отличие. Группа верующих состояла из не менее чем 20 человек и брала в свое пользование культовое здание, в то время религиозное общество с количеством членов не менее 50 человек могло функционировать без находящегося в его пользовании здания культа [2, с. 134].

Постановление Президиума ЦИК ССР Белоруссии «О порядке учреждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих целей извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними» от 13.10.1922 г. и инструкции ЦИК ССР Белоруссии «О регистрации обществ, союзов и объединений» от 13.10.1922 г. собственно так же не разводили эти понятия и требовали регистрации религиозных общин в двухнедельный срок, но уже в октябре 1922 г. [2, с. 113; 9, ст. 64].

Все подаваемые для регистрации в Ликвидационный отдел НКЮ БССР документы должны были быть в трех экземплярах. Инструкция требовала: «1. а) протокол собрания учредителей; б) проект устава с заявлением об утверждении, с указанием имени, фамилии и адреса учредителей не менее 10-ти человек; 2. а) справку о местонахождении общества; б) список всех членов (Ф.И.О., место жительства и адрес, социальное положение, общественное и служебное положение с 1914 г., партийная принадлежность, имущественное положение, время присоединения к культу)» [2, с. 33–34].

В подаваемых на проверку в местные органы НКВД уставах обществ и союзов должны были быть отражены следующие моменты: 1) название общества, цель, район и форма деятельности; 2) порядок вступления и выбытия членов; 3) размер членских взносов и порядок их уплаты; 4) состав распорядительных органов; 5) сроки и порядок созыва собраний; 6) порядок ведения отчетности и заведования хозяйственной деятельностью; 7) порядок ликвидации общества [2, с. 34].

Проекты уставов проходили экспертизу в отделах НКВД, и не позже, чем через месяц, должен был быть дан ответ об их соответствии советскому законодательству. В случае отказа в утверждении давалась его аргументация. Решение местных отделов НКВД можно было обжаловать в вышестоящих вплоть до Наркомата внутренних дел. Безапелляционным был 6-ой пункт декрета «О порядке утверждения и регистрации», который гласил: «В утверждении может быть отказано, если утверждаемое общество или союз по своим целям или методам деятельности противоречит Конституции РСФСР и ее законам» [2, с. 33–34]. Общий надзор и решение спорных вопросов возлагался на НКВД, постановления которого были обязательны к исполнению без подтверждения ЦИК Белоруссии.

Договор подразделялся на три основные направления – экономическое, политическое и пути ликвидации общины. Члены пятерки обязывались беречь переданное им «народное достояние» и пользоваться им исключительно соответственно его прямому назначению. За пропажу или порчу взятого у государства имущества, в случае доказанности органами НКВД хищения,

выборные приходы несли уголовную ответственность. Если же это проходило без злого умысла, а по небрежности, то необходимо было просто возместить нанесенный ущерб [10, л. 12].

Пятерки так же обязывались «из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию храмов и находящихся в них предметов, по ремонту, отоплению, оплате долгов и т. п.» [10, л. 11].

Следующий стратегический момент договора был отражен в уставе православных религиозных общин: «Так как Церковь Христова аполитична никакое вмешательство в политические дела или политическую пропаганду недопустимы ни со стороны приходских советов, ни со стороны служителей культа» [10, л. 6]. На членов пятерки возлагалась обязанность принимать все меры к тому, чтобы в богослужебном помещении ни в коем случае не происходили «политические собрания враждебного типа», «раздачи или продажи книг, брошюр, посланий, направленных против Советской власти или ее отдельных представителей» [10, л. 11 об.]. За нарушение этих требований община сразу же ликвидировалась, виновные немедленно привлекались к строгой «революционной ответственности». В том же пункте договора регламентировалось и использование набожных звонов: «Совершение набожных тревог для созыва населения в целях возбуждения против Советской власти недопустимо, ввиду чего обязуемся подчиниться всем распоряжениям местного Совета рабочих, крестьян и красноармейских депутатов относительно порядка пользования колокольными» [10, л. 12].

Установленный ЦИК БССР двухнедельный срок носил достаточно провокационный характер. На государственном уровне о необходимости прохождения перерегистрации было заявлено еще в августе 1922 г. Постановления НКЮ и НКВД в дополнительном подтверждении на территории союзных республик не нуждались. К октябрю 1922 г. работа должна была находиться на завершающей стадии, а не на этапе подготовки. Это скорее всего был спланированный вызов религиозным организациям. Особенно что касалось РПЦ. Патриарх Тихон находился под стражей. Ему грозил смертный приговор. Организованный СООГПУ раскол набирал обороты. Обновленцы остро нуждались в государственной поддержке, да собственно без нее были недееспособны [11, л. 80–81; 12, с. 67, 69]. Угроза ликвидации прихода должна была направить взоры актива и клириков в сторону правильного течения в РПЦ. К концу 1922 г. НКВД приступило к проверке и закрытию храмов не имевших правильно оформленных группами верующих документов [13, л. 20]. В Минске Ликвидационному отделу НКЮ БССР, а в уездах помощникам прокуроров предписывалось привести ситуацию в соответствие с действующей нормативной базой [8, л. 75]. Постановления от 13.10.1922 г. предусматривались не только двухнедельные временные рамки для начала процедуры регистрации, но и некоторый зазор для исправления ошибок в документах или даже и подготовки документов в установленном порядке. Однако к началу 1923 г. все сроки по вине как надзорных органов,

так и религиозных организаций явно превысили допустимые рамки. НКВД начал активно работать с группами верующих и проводить изъятие богослужения помещений [8, л. 33, 56, 75; 11, 67; 14, л. 12; 14, л. 90; 15, л. 22].

Между тем еще со второй половины 1922 г. во многих случаях власти проводили закрытия храмов без всяких предварительных переговоров с верующими, основываясь на решениях партячеек, собраний рабочих, чаще всего иного вероисповедания. 20 февраля 1923 г. постановлением Центральной комиссии по отделению церкви от государства и школ от церкви: «Прекратить с сегодня заключение договоров с общинами. Все здания, храмы, не имеющие договоров об аренде, должны быть опечатаны» [16, л. 22]. Это решение, вероятнее всего, было принято по указке из Москвы в момент особо сильного обострения взаимоотношений между ГПУ – НКВД и руководством РПЦ, опять же с целью давления на находящегося под стражей на Лубянке патриарха Тихона. Однако такие репрессивные методы исполнительной власти, наряду с безобразиями в проведении антирелигиозной пропаганды, приводили к множеству конфликтов с верующими. Местные власти, стараясь избежать недоделок, начали практически огульное закрытие домов культов.

Дальнейшая эскалация взаимоотношений могла привести к серьезному конфликту с верующими. ЦБ КП(б) с целью прекратить самостоятельность на местах вынуждено было 21 мая 1923 г. разослать укомам письмо с требованием: «При намерении начать антирелигиозную кампанию по изъятию домов культов предварительно запросить согласие ЦБ» [17, л. 40]. Так как закрытие храмов в этот период проходило чаще всего на основании «требования рабочих масс» либо из-за недостатка помещений для «культурно-просветительской работы», то наибольшее негодование населения вызывали простой зданий опечатанными без использования ими же, отдача их в аренду предпринимателям-иноверцам [18, л. 87]. В то время, как в городе можно было без проблем, в кратчайший срок рационально использовать изъятое культовое здание, то в деревне, где и партактив, и КСМ были малочисленны, храмы чаще всего простаивали, чем подрывали пропагандистские уловки большевиков. Руководство партии осознавало это в полной мере. ЦК РКП(б) издало в мае-июле целый ряд постановлений о необходимости «осторожного отношения к религиозным предрассудкам крестьян и отсталой части рабочих». В постановлениях, в частности, говорилось: «В ЦК продолжают поступать сведения о нарушении этих постановлений, о массовом закрытии церквей, вызывающих недовольство, используемое антисоветскими элементами. ЦК категорически предлагает приостановить проведение в жизнь этой меры» [19, с. 184].

Таким образом, проведенное исследование показало, что без уменьшения информационно-пропагандистских возможностей оппонентов партия большевиков могла получить дополнительные трудности при осуществлении своих программных установок. Процесс ликвидации культовых зданий

затрагивал интересы свыше ста миллионов человек и поэтому требовал самых различных способов осуществления – от резких, безосновательных выпадов до методичной работы посредством применения законодательно установленных норм и правил. В 1923 г. предпринятая властями попытка изъятия богослужебных помещений вылилась в массовые протесты верующих, усиление оккультной деятельности и к 1924 г. была практически свернута.

Список использованных источников

1. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд 5407. – Оп. 1. – Д. 102.
2. Гидулянов, П. В. Отделение церкви от государства в СССР Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного суда РСФСР и других социалистических республик: УССР, БССР, ЗСФСР, Узбекской и Туркменской / П. В. Гидулянов; под ред. П. А. Красикова. – 3-е изд. – М.: 1926, Изд. НКЮ РСФСР. – 703 с.
3. Государственный архив Гомельской области (ГА ГО). – Фонд 161. – Оп. 1. – Д. 193.
4. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Фонд 6. – Оп. 1. – Д. 7.
5. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 405.
6. Янушевич, И. И. Формирование антирелигиозной агитационно-пропагандистской системы в БССР (1919–1923 гг.) / И. И. Янушевич // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны // Зборнік навуковых артыкулаў. Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – 2016. – Вып. 5. – № 1. – С. 59–64.
7. НАРБ. – Фонд 6. – Оп. 1. – Д. 97.
8. НАРБ. – Фонд 34. – Оп. 1. – Д. 197.
9. СУ БССР. – 1922. – № 13.
10. Государственный архив Минской области (ГА МнО). – Фонд 48. – Оп. 1. – Д. 38.
11. ГА ГО. – Фонд 2. – Оп. 1. – Д. 338.
12. Янушевич, И. И. Разрушители. Обновленческое движение в Православной церкви в XX ст. / И. И. Янушевич // Беларуская думка – 2013. – С. 69–75.
13. ГА МнО. – Фонд 48. – Оп. 1а. – Д. 55.
14. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 1103.
15. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 999.
16. ГА МнО. – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 18.
17. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 639.
18. НАРБ. – Фонд 93. – Оп. 1. – Д. 450.
19. Русская православная церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: док. и фотоматериалы. – М.: Библ.-богослов. ин-т св. Апостола Андрея, 1996. – 328 с.

(Дата подачи: 26.02.2019 г.)